

Грани слова

*Сборник научных статей
к 65-летию проф. В. М. Мокиенко*

Москва
2005

ББК 81.2
Г77

Редакционная коллегия:

М. Алексеенко (*отв. редактор; Щецин, Польша*)
Х. Вальтер (*отв. редактор; Грайфсвальд, Германия*)
М. Дюринг (*Грайфсвальд, Германия*)
А. Шумейко (*руководитель проекта; Москва, Россия*)

Грани слова: Сборник научных статей к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. — М.: Г77 ООО «Издательство ЭЛПИС», 2005.— 782 с.

ISBN 5-902872-01-4

ББК 81.2

Материалы сборника публикуются в авторской редакции.

ISBN 5-902872-01-4

© ООО «Издательство ЭЛПИС», 2005

Андраш ЗОЛТАН
Будапешт, Венгрия

Древнерусское слово *корочюнь* и русский фразеологизм *карачун ему пришел*

Русские фразеологизмы с существительным *карачун* в своем составе — *дать (за-дать) карачун (карачуна)*; *карачун пришёл кому* ‘о чьей-л. смерти (обычно быстрой, неожиданной и от сердечного удара)’ — имеют разные, часто противоречащие друг другу толкования в этимологической литературе (см. [Бирих, Мокиенко, Степанова 1994: 132; Бирих, Мокиенко, Степанова 1998: 250–252]); то же самое можно сказать и о древнерусском слове *корочюнь* ‘день зимнего солнцеворота’ [Фасмер 1964–1973, II: 336–337].

В предисловии к незаменимому историко-этимологическому справочнику по русской фразеологии В.М. Мокиенко пишет: «Предлагаемый читателю свод различных этимологий следует рассматривать как подготовительный этап создания историко-этимологического словаря русской фразеологии» [Бирих, Мокиенко, Степанова 1998: 9]. Думается, что оценка всех различных версий еще впереди, также как и в случае фразеологизмов со словом *карачун*. Поэтому в настоящей статье нам хотелось бы указать на ту из существующих и зарегистрированных в указанных сводных трудах под редакцией нашего Юбилера версий, которая, на наш взгляд, является самой стройной и убедительной.

Не подлежит сомнению, что из существующих версий происхождения фразеологизмов со словом *карачун* предпочтительнее всех остальных те, которые вскрывают заодно и происхождение древнерусского существительного *корочюнь*.

Древнерусское *корочюнь* является довольно редким словом. В качестве имени нарицательного оно засвидетельствовано всего лишь один раз в Новгородской 1-й летописи за 1143 г., поэтому оно толкуется исследователями по-разному. Однако, имея в виду более широкий славянский контекст (о чем см. ниже), а также то обстоятельство, что в данном месте *корочюнь* выступает как заключительный срок определенного отрезка времени: *ω(t) з(осно)жсина дни до корочюна*, следует отдать предпочтение толкованию 'день зимнего солнцеворота' [СДР 1988-, 4: 270], а не 'пост перед рождеством' [ДРС 1975-, 7: 344].

На первый взгляд может показаться, что древнерусское *корочюнь* 'день зимнего солнцеворота' и современное русское диалектное *карачун/корочун* '(внезапная) смерть; злой дух, черт, демон; скряга' [СРНГ 1965-, 13: 79; Строгова 1982: 134] слишком далеки друг от друга как по времени, так и по значению, для того чтобы возвести их к общему этимону. Вдобавок к этому, в белорусском языке *карачун* — это не только 'преждевременная смерть', но и 'нечто покривленное', 'кривое и суковатое дерево', а также 'низкорослый человек' и даже мифологическое существо 'подземный царь, сказочный бог морозов, который приносит смерть' [ЭСБМ 1978-, 4: 265]. Если привлечь, однако, славянские и балканские параллели, все это многообразие значений может получить удовлетворительное объяснение. Все элементы этого объяснения — правда, в разрозненном виде, под разными «пунктиками» — имеются в указанном справочнике [Бирих, Мокиенко, Степанова 1998: 250–252]; ниже мы попробуем построить из них одну стройную систему, используя этимологический материал, накопленный в последние десятилетия.

Самой убедительной версией этимологии древнерусского *корочюнь*, а также русского и белорусского *карачун*, способной объяснить все вышеуказанное богатство значений этих слов, нам представляется этимология, разработанная в применении к восточнославянскому материалу А.В. Десницкой [1978: 168–171], а в конечном итоге восходящая к Э. Чабею [Čabej 1961]. Согласно этой этимологии, славянское слово было заимствовано на Балканском полуострове из албанского языка, в котором известно существительное индоевропейского происхождения *kërcû*, *kërcunî* (гегское наречие), *kërcû*, *kërcûri* (тоскское наречие; основа *kërcûn-* < праалбанск. *karcun-*) 'пень, чурбан'. Албанское слово было заимствовано южными славянами не только в конкретном значении (ср. серб.-хорв. диал. *krâcûn* 'задвигка, засов', первоначально 'толстое бревно, которым припирают дверь конюшни, хлева', см. [Schütz 1966]), но также в связи с праздником зимнего солнцеворота, в обряд которого входит сжигание обрубка древесного ствола или пня (серб.-хорв. *bâdnâk*, болг. *bъдник*) и таким образом значение слова переносилось на праздник ('пень' > 'сжигание пня в день зимнего солнцеворота' > 'зимний солнцеворот'). Праалбанское *karcun-* во время метатезы плавных (и до II палатализации) дало в южнославянском регулярно *krâcûnъ*, которое в восточнославянском автоматически превратилось в полногласную форму *корочюнь*.

В Византии, где раньше всего произошла христианизация славян, слово *krâcûnъ* очень рано начало обозначать большой христианский праздник, близкий по времени к зимнему солнцевороту — рождество Христово (ср. макед. диал. *krâcun* 'рождество' в Южной Албании и Северо-Западной Греции, см. [Koneski, Vidoeski, Jasar-Nasteva 1966: карта № 16]). В других южнославянских диалектах сохранилась связь значения слова с

солнцеворотом, но в некоторых областях оно было распространено также на летний солнцеворот, ср. болг. *кpacун* ‘народный праздник во время летнего или зимнего солнцеворота, в одних местах 8/21 июня, в других — сочельник рождества’ [БЕР 1971–, 2: 726]. Венгерское слово *karácsony*, означающее только христианский праздник ‘рождество’, было заимствовано в X веке из славянской речи византийских миссионеров из Македонии. К языку македонских славян восходит также румынское слово *crăciun* (диал. также *craciun*) ‘рождество; обрядовый хлеб, выпекаемый к новому году’, что вполне понятно, если учесть, что румынская церковь в средневековье была подчинена охридскому архиепископу (ср. [Zoltan 1991]). Румынские формы легли в основу украинских диалектных слов (только в карпатском ареале) *кpacун*, *кpecун*, *керечун*, *карачун*, *киричун*, *кpичун*, *гереджун*, *геречун*, *гериджун*, *геридзин* ‘сочельник, рождество; хлеб, выпекаемый к сочельнику рождества’ [ЕСУМ 1982–, 3: 80], откуда слово проникло и в восточно- и центрально- словацкие говоры (*kracün* ‘рождество’, см. [Blánár 1993: 109; Kerd’o 2002: 144]). Сюда же относится, на наш взгляд, и укр. диал. *кpacун* ‘большая дубовая колода’ [ЕСУМ 1982–, ук. м. s. v. *кpacун*²]), которое, как и цитированное выше серб.-хорв. диал. *kràcün* ‘задвижка, засов’, восходит — по-видимому, через посредство не сохранившихся в этом значении румын. *crăciun*, *craciun* и болг. *кpacун* — к конкретному значению праалбанского *karçun*- ‘пень, чурбан’.

На существование в прошлом такого значения у южнославянского *кpacунь* указывает и значение ‘кривое и суковатое дерево’ у белорусского *карачун*, которое является важным связывающим звеном между значениями ‘зимний солнцеворот’ с одной стороны, и ‘демон, злой дух; внезапная смель’ — с другой. Мифологическое значение сжигания обрубка древесного ствола или пня в день зимнего солнцеворота заключалось как раз в прогнании при помощи огня злого духа, скрывающегося в форме змеи у корней деревьев и способного причинять, в том числе, и преждевременную смерть (подробнее см. [Топоров 1976]).

Как византийские миссионеры из южных славян могли передать венграм ту часть их христианской терминологии (включая слово *karácsony* ‘рождество’), которая, несмотря на последующее приобщение венгров к христианству западного образца, до сих пор проявляет свое происхождение из языка православных, а не католических славян (см. [Золтан 1986]), точно так — или даже еще легче — могли передаваться византийскими миссионерами южнославянские языковые элементы восточным славянам. Как пишет А.Б. Страхов [1988: 84] по этому поводу: «Коль скоро есть основания полагать, что византийские миссионеры на Руси были набраны из южных славян, то не исключено, что могут быть обнаружены следы не книжного, хотя, в известном смысле, и “околоцерковного”, влияния южнославянских языков (и, в первую очередь, древнеболгарских диалектов) на киевское койне и (опосредованно или прямо) на восточнославянские диалекты <...>. С принятием этой гипотезы у нас появилась бы надежда, что часть слов с приметами южнославянского происхождения, ошибочно принимаемых за церковнославянизмы, а также некоторые балканизмы из области терминологии духовной народно-христианской культуры (*радуница*, *корочун*, *русалии*, *погач* [...], *стрига вещица* и др.) можно отнести за счет контактов с южнославянским духовенством».

Данная версия этимологии восточнославянских слов была принята в ЕСУМ и, с некоторыми оговорками, также в ЭСБМ (ук. м.). Аргументируя в пользу балканского

происхождения русск. *корочун/карачун* и предлагая принять эту версию как имеющую самую большую объяснительную силу также в готовящемся в мастерской нашего Юбилера новом этимологическом словаре русских фразеологизмов, мы не ставили перед собой задачу опровергать все другие существующие точки зрения о происхождении этого слова, а также включающего его фразеологизма. По отношению к латинским версиям это было сделано недавно словацким романистом Яном Кердьо [Kerd'о 2002]. Нельзя обойти, однако, молчанием тот факт, что против этимологии Э. Чабея — А.В. Десницкой решительно выступил О.Н. Трубачев [ЭССЯ 1974–, 11: 56–58], который настаивал на славянском происхождении данного слова. Эта версия была выдвинута впервые венгерским славистом Я. Мелихом в начале XX в. и пользовалась довольно широкой популярностью среди славянских (а также венгерских) этимологов (см. [Фасмер II: 336]). Согласно этой версии, праслав. **korčunь* в значении 'шагающий, переходный день, день солнцеворота' было образовано от глагола **korčiti* 'шагать', производного от существительного **korkъ* 'шаг; нога'. Наряду с большими натяжками при объяснении мифологических значений данного слова, самым уязвимым местом этой этимологии представляется словообразование. Суффикс *-ун* отличается, правда, «народностью» в современном русском языке, но в средневековье он был весьма редким суффиксом, поэтому подвергается сомнению и его «исконность», которую использует в качестве аргументации О.Н. Трубачев. Более того, в тех редких случаях, когда в древнерусской письменности этот суффикс использовался для образования отглагольных существительных, он присоединялся к основе глагола без эффекта I палатализации (русск.-цсл. *бѣгоунь* 'беглец' с XI в., *блискунь/блѣскунь* 'мак', *кликунь* 'тот, кто громко кричит' с XVI в.). Все это делает «автохтонную» этимологию праслав. **korčunь* неприемлемой (ср. [Золтан 1993]).

Заканчивая наш обзор разных точек зрения на происхождение зловещих русских фразеологизмов с опорным словом *карачун*, нам хотелось бы пожелать нашему Юбилеру крепкого здоровья и долгой жизни — чтобы ему *никогда не пришел карачун*.

ЛИТЕРАТУРА

- БЕР 1971: *Български этимологичен речник*. Ред. Вл. И. Георгиев. Т. 1. София, 1971.
- Бирих, Мокиенко, Степанова 1994: Бирих, А.К./Мокиенко, В.М./Степанова, Л.И. *История и этимология русских фразеологизмов*. (Библиогр. указатель — 1825-1994). Hrsg. von A. Bierich. München, 1994.
- Бирих, Мокиенко, Степанова 1998: Бирих, А.К./Мокиенко, В.М./Степанова, Л.И. *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник*. СПб., 1998.
- Десницкая 1978: Десницкая, А.В. *К вопросу о балканизмах в лексике восточнославянских языков* // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов, Загреб—Люблина, сентябрь 1978 г. Доклады советской делегации. М., 1978. С. 145–171.
- ДРС 1975: *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 1. М., 1975.
- ЕСУМ 1982: *Етимологічний словник української мови*. Т. 1. Київ, 1982.
- Золтан 1986: Золтан, А. *О происхождении православного славянского слоя в венгерской христианской терминологии* // Съоставително езиковознание. 11. 1986. № 4. С. 5–9.
- Золтан 1993: Золтан, А. *К вопросу о происхождении суффикса -унь (-унь) в славянских языках* // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 38. 221–227.
- СДР 1988: *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. Т. 1. М., 1988.
- СРНГ 1965: *Словарь русских народных говоров* / Гл. ред. Ф.П. Филин. Вып. 1. М.; Л., 1965.
- Страхов 1988: Страхов, А.Б. *Слова с корнем бла-/блаж- с отрицательными значениями в восточнославянских диалектах (К проблеме влияния славяно-византийского миссионерства на язык и культуру Древней Руси)* // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. 37. 1988. P. 73–114.

- Строгова 1982: Строгова, В.П. *К истории и этимологии новгородского летописного слова корочунь* // Системные отношения в лексике севернорусских говоров. Вологда, 1982. С. 129–136.
- Топоров 1976: Топоров, В.Н. *Пѣшан, Аѣи Вуднуня, бѣднѣак и др.* // Этимология 1974. М., 1976. С. 3–15.
- Фасмер 1964–1973: Фасмер, М. *Этимологический словарь русского языка* / Пер. с нем. и дополнения О.Н. Трубачева. I–IV. М., 1964–1973.
- ЭСБМ 1978: *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*. Т. 1. Мінск, 1978.
- ЭССЯ 1974: *Этимологический словарь славянских языков: Общеславянский лексический фонд* / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 1. М., 1974.
- Blanár 1993: Blanár, V. *Porovňavanie lexiky slovanských jazykov z diachrónneho hľadiska*. Bratislava, 1993.
- Çabej 1961: Çabej, E. *Crăciun* // Studii și cercetări lingvistice. 12. 313–317.
- Kerđo 2002: Kerđo, J. *Je kračun latinsko-románskeho pôvodu?* // Slavica Slovaca. 37/2. 144–147.
- Koneski, Vidoeski, Jašar-Nasteva 1966: Koneski, B./Vidoeski, B./Jašar-Nasteva, O. *Distribution des balkanismes en macédonien*. Skopje, 1966.
- Schütz 1966: Schütz, J. *Der Rumänismus crăciun 'Weihnachten' im Slavischen* // Beiträge zur Südosteuropä-Forschung. München, 1966. 35–40.
- Zoltán 1991: Zoltán, A. *Karácsony* // Emlékkönyv Benkő Loránd hetvenedik születésnapjára. Szerk. Hajdú Mihály és Kiss Jenő. Budapest, 1991. 664–670.